

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 622.33.000.93

Р.С. Бикметов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУЗБАССА (1930-е — НАЧАЛО 1950-х гг.)

Советское социалистическое государство, провозглашая идеи гуманизма, активно эксплуатировало труд заключенных в народном хозяйстве, переняв эту практику еще от царского правительства. Известно, что уже в конце XIX века на каменноугольных копях Сибири работали заключенные, добывая уголь для нужд региона. В советское время условно использование труда заключенных в угольной промышленности Кузбасса можно разделить на три периода: довоенный (начало 30-х — июнь 1941 г.), военный (июнь 1941 г. — май 1945 г.), послевоенный. Каждый из них имеет свои особенности, связанные с целями и задачами развития угольной отрасли, с развитием экономики региона и страны в целом, с развитием региональной инфраструктуры и обеспеченностью трудовыми ресурсами. Исторический анализ развития экономики региона позволит нам убедиться в этом.

В планах довоенных пятилеток угольной промышленности Кузбасса определялись чрезмерно высокие темпы развития, значительно опережающие отраслевые показатели, так и возможности бассейна. По оптимальному варианту первого пятилетнего плана добыча угля в СССР должна была вырасти в 2,1 раза, добыча угля в Кузбассе — в 2,3 раза. В 1929 — 1930 г. задания для бассейна были вновь пересмотрены и доведены до 10,5 млн. тонн, что на 75% превосходило задания оптимального варианта [1, с. 53].

Самые высокие темпы раз-

вития были предусмотрены для угольной промышленности Кузбасса и на второе пятилетие. В 1937 г. по сравнению с 1932 г. добыча угля в СССР должна была увеличиться в 2,3 раза, в Донбассе — в 1,8 раза, а в Кузбассе — в 2,8 раза [1, С. 60]. Столь высокие темпы не подкреплялись необходимым объемом финансирования и соответствующим уровнем промышленного строительства. И хотя за 1928 -1940 гг. вся добыча угля в Кузбассе выросла почти в 9 раз, добыча коксующихся углей — почти в 25 раз, а мощность угольных предприятий в 1940 г. достигла 50,6 млн. тонн [подсчитано по: [1, с. 61]; [9, с. 33]; [10, с. 54]; [11, с. 99];], бассейн не выходил на запланированный уровень.

В рассматриваемый период угольная промышленность Кузбасса, как и всей страны, развивалась экстенсивными методами. Следовательно, рост добычи угля обеспечивался, прежде всего, за счет увеличения количества и мощности угольных предприятий, а также за счет увеличения численности шахтёрских кадров. Сверхнапряжённым темпам увеличения добычи угля в бассейне должны были соответствовать не менее напряжённые темпы увеличения численности горняков. Обеспечить рост необходимых шахтёрских кадров не представлялось возможным, а контингент, привлекаемый со стороны, преимущественно в порядке оргнaborа и вольного найма, задерживался на шахтах недолго.

Для обеспечения бассейна

квалифицированными кадрами необходимо было либо существенно улучшать условия труда и быта (но всё финансирование направлялось в основном на промышленное строительство), либо использовать иные, принудительные методы закрепления людей в отрасли. В условиях формирующейся административно-командной системы государство пошло по второму пути. Не случайно, на шахтах Кузбасса уже в годы второй пятилетки наряду с обычными гражданскими лицами появились и первые категории репресированного населения, не имевшего возможности добровольно покинуть место проживания и работы.

Увеличение масштабов и темпов угледобычи в Кузбассе в 1930-е годы неизбежно повлекло за собой и возрастание численности шахтёрских кадров. Слабое развитие инфраструктуры шахтёрских городов, дефицит жилья, тяжёлые условия труда порождали высокую текучесть шахтёрских кадров. Вольный наём и оргнabor рабочей силы при ограниченности местных людских ресурсов, несмотря на направление на шахты бассейна выпускников горнопромышленных школ, не обеспечивали должным образом потребность в шахтёрских кадрах [1, с. 139]. Поэтому не случайно в этот период в угольной промышленности Кузбасса, особенно на отдалённых от транссибирской магистрали Аралиевском, Прокопьевском и Киселёвском рудниках, был взят курс на использование прину-

дительного и относительно дешёвого труда сначала спецпереселенцев, а затем и заключённых, для которых и не требовалось создания особых жилищно-бытовых условий.

Добыча угля руками заключённых, используемых в шахтах, в 1931 году достигала почти 1 млн. тонн в год [2, с.50]. В эти годы зарождается практика заимствования и привлечения заключенных, как дешевой рабочей силы, используемой в угледобыче. Начальник треста «Кузбассуголь» М.Л. Рухимович для решения производственных задач неоднократно обращался к секретарю Запсибиркрайкома Р. Эйхе и представителю ОГПУ тов. Алексееву с просьбой о выделении тресту необходимого количества заключённых. И, как правило, данные просьбы всегда оперативно решались [13, ф. 3, оп. 6, д.82, л. 5]. Так только в 1933 году 6000 заключённых было переведено в Осинниковское отделение Сиблага [2, с. 50].

Заключённых доставляли в лагерные отделения, наспех возведенные около строящихся и пущенных в эксплуатацию шахт. Так, в 1934 г. на северо-западной окраине построенных нескольких штолен шахты «Муравейник» в Голубевском логу появился лагерь для рабочих-заключенных.

Людей размещали в шалашах, землянках и в недостроенных бараках. Антисанитарные условия, неприспособленность жилья к зимним условиям способствовали высокой заболеваемости заключенных инфекционными и простудными заболеваниями, порой приводившими к летальному исходу.

Но, несмотря на это, в условиях набиравшей обороты репрессивной политики государства использование труда заключенных в угольной промышленности повсеместно расширялось. Так, на 26 марта 1938 г. в системе ГУЛАГа НКВД СССР согласно договорам с угольными комбинатами в

разных регионах страны на добывчу угля использовалось 15000 заключённых [6, с. 89]. В ноябре 1938 г. уже почти в каждом тресте на отдельных шахтах в качестве рабочей силы использовались заключённые, о чём свидетельствуют запросы спецотдела Кузнецкого угольного комбината о наличии лагерей ИТК в угольных трестах [14, оп. 1, д. 4, л. 142]. На начало 1939 г. по отделу топливной промышленности ГУЛАГа НКВД СССР в угольной отрасли Кузбасса числилось 52222 заключённых, по предварительным подсчётом Л.И. Гвоздковой, в основном, на вспомогательных работах трудилось около 25000 заключённых [1, с. 14]. В 1939 г. между Кузнецким угольным комбинатом и ОИТЛК УНКВД по Новосибирской области был заключен договор о предоставлении рабочей силы на угольные предприятия Кузбасса [14, оп. 1, д. 8, л. 18]. Аналогичные договоры были подписаны с угольными трестами и отдельными шахтами. Шахты получали дешёвую рабочую силу, за использование которой они переводили определённые денежные суммы на счета местных органов НКВД. Так, согласно договору между Кемеровским отделением ИТЛК НКВД по Новосибирской области (в договоре именуется как Сиблаг) и шахтой «Северной» 500 заключённых работало на подземной добыче угля. Кроме того, около 200 заключённых (7 бригад) работало на поверхностных работах.[16, оп.1, д. 1, л. 7].

Особенно возросло количество людей, насиливо привлечённых для работы в угольную промышленность Кузбасса в связи с изданием Указа Прези-зиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года — «О переходе на 8-часовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [8, с. 141-142]. В соответствии с этим указом рабочие

и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, предавались суду и по приговору народного суда подвергались тюремному заключению от 2 до 6 месяцев или карались исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработка до 25%. Так, по городу Кемерово в соответствии с данным указом к минимальной мере наказания было приговорено 21,8% осужденных, до 6 месяцев — 19,3% [17, оп. 5, д. 9, л. 11]. Лица, подвергнутые наказанию исправительно-трудовыми работами, помещались в ИТК НКВД или же в колонии массовых работ, которые создавались на территории угольных трестов для обслуживания шахт ещё в начале 1939 г. [14, оп. 1, д. 4, л. 51].

Следует отметить, что руководство трестов неоднократно обращалось в местные органы НКВД, помимо уже заключённых договоров, с просьбами о выделении дополнительно рабочей силы из числа заключённых для строительства промышленных и жилых объектов на территории как самих шахт, так и рабочих посёлков [16, оп. 8, д. 10, л. 28]. Дешевизна рабочей силы, отсутствие расходов на жилищно-бытовые нужды, питание и устройство людей — всё это вместе взятое определяло выбор руководства для привлечения данного контингента рабочих. В свою очередь, местные органы НКВД охотно откликались на эти просьбы, выделяя заказчикам необходимую рабочую силу из числа заключённых. Они получали от предприятий определённые денежные суммы, перечисляемые в адрес УНКВД по Новосибирской области за поставку рабочей силы и согласно заключенным с предприятиями договорам. При этом руководство НКВД строго следило за условиями содержания заключённых, за обеспечением всем не-

обходимым охраны, включая питание и жильё. В случае возникновения всевозможных нарушений поднимало вопрос о расторжении заключенных ранее договоров [14, оп. 14, д. 8, л. 18].

Таким образом, в предвоенные годы в условиях недостатка местных людских ресурсов и слабой инфраструктуры шахтёрских городов использование труда заключенных в угольной промышленности Кузбасса сыграло определенную роль при строительстве шахт и в последующем наращивании угледобычи в Кузбассе.

В условиях начавшейся Великой Отечественной войны шахтёры Кузбасса искали и использовали все имеющиеся в резерве возможности для увеличения добычи угля. Со второй половины сентября отдельные шахты Кузбасса досрочно стали завершать годовое задание, а в ноябре годовых рубежей достигли почти все тресты. Кузнецкий бассейн выполнил годовое задание по добыче угля 1 декабря 1941 г. Объём угледобычи достиг 25,1 млн. тонн, в том числе коксующихся углей — до 1043 тыс. тонн [2, с. 109].

Однако в конце 1941 г. намечается тенденция падения угледобычи в Кузбассе, вызванная большим оттоком квалифицированных рабочих кадров в действующую армию и сокращением удельного веса рабочих забойной группы. Падение добычи угля продолжалось и в 1942 г. Отставание кузнецкого бассейна от плановых заданий и не полное удовлетворение потребности военной экономики, особенно в коксующихся углях, создавало серьёзные трудности для предприятий, производящих вооружение и связанных с ними отраслей промышленности, особенно для чёрной металлургии.

Государственный комитет обороны поставил перед шахтёрами Кузбасса задачу — поднять среднесуточную добычу угля в декабре 1942 г. до 85 тыс.

тонн. По каждому тресту были определены конкретные задания по добыче угля, по увеличению линии очистных и подготовительных забоев, расширению прогрессивной щитовой добычи, улучшению использования горных машин и механизмов, по строительству и вводу новых мощностей [2, с. 112].

Второй важнейшей проблемой, постоянно стоявшей перед угольной отраслью Кузбасса в первые годы войны, явилось обеспечение шахт рабочими кадрами. От успешного решения этой задачи зависели возможности страны в снабжении углём metallurgии, машиностроения, транспорта, предприятий химической промышленности и других отраслей, прямо или косвенно работавших на оборону. Трудности в решении проблемы обеспечения кадрами угольной промышленности Кузбасса в годы войны были вызваны не только необходимостью увеличить их численность. Угольная промышленность и до настоящего времени трудоёмкая отрасль, с преобладанием мужского труда.

В условиях военного времени недостаток мужчин приходилось компенсировать за счёт женщин, подростков, пенсионеров. Следует отметить, что в этот период, как и в годы первых пятилеток, развитие угольной отрасли региона носило экстенсивный характер — за счёт увеличения количества угольных предприятий, численности рабочих. За годы войны число рабочих на угольных предприятиях Кузбасса выросло на 74,8%, но большая их часть не имела опыта работы в угольной промышленности и не могла обеспечить высокую производительность труда [1, с. 70].

Уже за первые шесть месяцев войны в ряды Красной Армии убыло из Кузбасса 11856 шахтёров [16, оп. 5, д. 301, л. 137]. В июле 1942 г. общий дефицит рабочей силы на шахтах Кузбасса составлял 34583 человека. Его покрыть за счёт внут-

ренних ресурсов региона было невозможно. Необходимо было искать дополнительные источники и формы пополнения рабочей силы за пределами Кузбасса.

На смену организованному набору и свободному найму рабочих самими предприятиями пришли плановое распределение кадров, эвакуированных из временно оккупированных районов, трудовая мобилизация на промышленные предприятия через военкоматы, направление учащихся из школ ФЗО и ремесленных училищ [1, с. 153]. Только по мобилизации городского и сельского населения согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. на шахты Кузбасса прибыло 15 тыс. человек [7, с. 79]; [18, оп. 4, д. 12, л. 78]. Для повышения объёма угледобычи в конце 1942 г. в регион были направлены значительные людские пополнения — 27000 рабочих направил ГКО, 4020 человек — комсомол [5; с. 137].

В апреле 1942 г. в Кузбасс прибыло 11 колонн строительных батальонов наркомата обороны общей численностью 5500 человек. Значительная часть их личного состава была передана в состав рабочих кадров угольных предприятий. 16 тыс. военнообязанных для шахт Кузбасса было мобилизовано в Среднеазиатском и Северо-Кавказском военных округах в апреле-мае 1943 г. [14, оп. 1, д. 46, л. 143; 18, оп. 4, д. 13, л. 123-125]. В июне 1943 г. на шахты Кузбасса было направлено 16600 работоспособных рабочих за счёт переброски людей со строительства оборонительных рубежей в Курской области, передачи из состава Военно-строительного управления Дальнего Востока и Забайкалья, а также из числа военнообязанных, не годных к строевой службе [19, оп. 1, д. 9, л. 23]. Существенную роль в обеспечении кадрами шахт Кузбасса сыграли и партийно-комсомольские мобилизации. Так, например, только августов-

ская мобилизация 1942 г. позволила пополнить шахтёрские кадры 6 тыс. новыми рабочими [1, с. 152-153].

Однако все эти пополнения носили разовый характер и не могли полностью обеспечить шахты региона рабочими кадрами. Несмотря на условия военного времени, ограничившие переход трудящихся на новое место работы по собственному желанию, усилившееся в годы войны движение кадров в угольной промышленности Кузбасса продолжалось весьма активно. Несмотря на многочисленные пополнения отрасли кадрами, на протяжении 1941—1943 гг. был довольно высокий уровень числа убывших из угольной промышленности Кузбасса. Наиболее тяжёлым оказался 1942 г., когда процент убывающих к среднесписочному составу шахтёров превысил 74% [1, с. 151—152; 2, с. 170-171].

Сложное положение на фронте, мобилизации в действующую армию, трудности перестройки промышленности на военный лад, тяжёлые условия горняцкого труда, отдалённость ряда шахт от коммуникаций (шахты Осинниковского рудника), слабое развитие инфраструктуры шахтёрских городов и посёлков, особенно при вводимых в действие шахтах, — всё это в совокупности способствовало оттоку людских ресурсов из отрасли.

Поэтому в создавшихся условиях возрастает значение использования на шахтах Кузбасса различных категорий спецконтингента, как одного из источников пополнения шахтёрских кадров, не требующего значительных материальных затрат и гарантийного закрепления на шахтах. При отсутствии или слабости инфраструктуры, дефиците жилья, ограниченности местных людских ресурсов, руководство комбината «Кузбассуголь» вынуждено увеличить численность спецконтингента, используемого в

качестве рабочей силы на шахтах Кузбасса. Хотя на угольных предприятиях региона трудилось много трудопоселенцев, первоначально упор был сделан на рабочую силу из числа заключённых.

Уже в конце июля 1941 г. руководство Кузнецкого угольного комбината дало распоряжение управляющим трестами немедленно развернуть работы по строительству спецлагерей «упрощённого типа», с расчётом в дальнейшем разместить в них заключённых Сиблага. Схема проекта типового лагерного пункта была разослана по всем трестам. Она предусматривала возведение в самые кратчайшие сроки самых необходимых объектов лагерного отделения.

Место строительства лагерей предполагалось согласовать с местными органами НКВД [14, оп. 1, д. 15, л. 103]. А строительство лагеря на шахте «Байдаевская», дававшей ценные коксующиеся угли, решением СНК СССР от 30 июня 1941 г. было объявлено ударнойстройкой оборонного значения. Ход работ ежесуточно контролировался руководством комбината. Уже в начале августа 1941 г. Байдаевский лагерь, рассчитанный для размещения 800 заключённых, был построен и передан шахте [16, оп. 8, д. 3, л. 267].

В годы войны получила дальнейшее распространение практика заключения ежегодных договоров угольных объединений и шахт с местными органами НКВД. 4 августа 1941 г. был заключён очередной договор между Кузнецким угольным комбинатом и Сиблагом на поставку рабочей силы для шахт Кузбасса. Аналогичные договоры с исправительно-трудовыми лагерями Сиблага стали заключать угольные тресты и отдельные шахты. Согласно этим договорам, для заключённых устанавливалася 12-часовой рабочий день, причём норма выработки увеличивалась

с применением коэффициента 1,3. Однако последний был вскоре изъят из договора, по просьбе Сиблага, так как оказался непосильным для заключённых [16, оп. 8, д. 41, л. 216-218].

Заключение договоров и выделение дополнительной рабочей силы из числа заключённых по многочисленным просьбам предприятий находит широкую поддержку в партийных кругах. Бюро Новосибирского обкома ВКП (б) в июне — августе 1942 г. принимает ряд постановлений об использовании труда заключённых на шахтах Кузбасса. Согласно этим постановлениям в городах. Прокопьевске и Кемерово организуются ИТК для бывших шахтовых работников и дополнительно 2 отделения исправительно-трудового лагеря в городах Ленинске-Кузнецкий и Прокопьевске для использования труда следственноподследственных тюрьмы № 8 [13, ф. П-4, оп. 33, д. 665-б, л. 159, д. 665-в, л. 80].

Согласно заключенным договорам шахты стали регулярно получать рабочую силу из числа заключенных. Так, в июне 1942 г. только на три шахты: «Байдаевская», «Чёрная гора» и «Северная» дополнительно было направлено 1400 заключённых [18, оп. 4, д. 12, л. 74]. Форсированное строительство на территории трестов объектов и предприятий оборонного значения также велось силами заключённых Сиблага. Так, из 720 человек, первоначально возводивших на территории шахты «Северная» завод № 2 (объект 1200), 640 человек были заключенные, а в 1 квартале 1942 г. на этой стройке уже работало 1800-1900 заключённых Сиблага [16, оп. 8, д. 2, л. 96-977; 20, оп. 3, д. 37, л. 80(обр.)].

В апреле 1943 г. в соответствии с приказом Наркома угольной промышленности СССР, на строящиеся шахты Кузбасса из лагерей НКВД было передано 2600 заключённых — бывших рабочих-горняков и

размещено в спецлагерях при шахтах [18, оп. 4, д. 15, л. 520]. Следует отметить, что острейший дефицит кадровых рабочих в угольной промышленности Кузбасса частично покрывался использованием труда заключённых.

В отдельные годы на некоторых шахтах удельный вес заключённых в составе шахтёрских кадров достигал 20 и более %. Так, на 20 декабря 1943 г. на шахтах треста «Прокопьевск-уголь» он колебался в пределах от 10 до 46%. На шахте № 5/6 имени Ворошилова он составлял 18% от всей численности рабочих, на шахте № 9 имени Кагановича — 21%, на шахте № 7 имени Калинина — 10%, на шахте «Зиминка» — 24%, а на шахте «Тырганские уклоны» он достиг 46% [21, оп. 1, д. 5, л. 54]. Подобное соотношение наблюдалось и в других угольных трестах, а на шахте «Байдарская» треста «Куйбышевуголь» на 15 декабря 1942 г. он составлял 40% [16, оп. 8, д. 10, л. 29]. При этом следует заметить, что только часть заключённых (около 35%) владела шахтёрскими специальностями, а остальные на подземных работах работали впервые. Высоким в составе заключённых был уровень женщин, на ряде шахт он достигал 27%. В числе заключённых, работавших в шахтах, значились и подростки [16, оп. 8, д. 58, л. 30-31].

Заключенные должны были выполнять общепринятые нормы выработки как для вольнонаемного состава. Администрация трестов и шахт строго контролировала работу заключённых. Были созданы специальные штрафные зоны, специальные участки и даже штрафная шахта «Тырганские уклоны» с особенно жёсткими условиями содержания и труда, куда направлялись заключенные не выполнявшие норм выработки. На штрафных участках заключённых разрешалось выводить «на-гора» только после выполнения производственных зада-

ний.

Несмотря на выделение дополнительного горячего питания для заключенных, занятых на подземных работах, изнурительный труд, жесткие условия содержания, отсутствие нормального рациона питания, систематические побои, высокий производственный травматизм резко сокращали производственный фонд данной категории спецконтингента, подрывали здоровье людей, приводя к их высокой смертности.

Лагеря были не в состоянии за кратчайшие сроки своевременно восполнить трудовой фонд, заменив ослабевших и больных более сильными заключёнными. Поэтому не случайно в годы войны получает распространение практика передачи в угольную промышленность рабочей силы из числа заключённых, осуждённых на небольшие сроки или досрочно освобождённых, которые должны были работать на шахтах до истечения срока их наказания. Однако попытка влить их в состав рабочих шахтёрских кадров полностью не удалась. Отсутствие стимулов, заинтересованности в труде бывших заключённых с одной стороны, нерешаемость и игнорирование администрацией шахт социально-бытовых проблем «кузакников» — с другой, не способствовали закреплению их в составе шахтёрских кадров.

В первые послевоенные годы началось активное восстановление народного хозяйства, особенно в разрушенных районах европейской части страны. В ходе восстановительных работ страна остро нуждалась в значительном увеличении производства металла, объёма транспортных перевозок, роста угледобычи. Возросшее производство стали, листового проката, чугуна на Кузнецком и Магнитогорском металлургических комбинатах требовало дополнительного увеличения угледобычи, особенно коксующихся углей Кузнецкого бассейна. По-

этому существенная роль в обеспечении страны коксующимися и энергетическими углами отводилась шахтам Кузбасса.

По пятилетнему плану развития страны в Кузбассе было намечено построить и ввести в действие 30 шахт мощностью 18 млн. тонн [12, с. 257]. Это был напряжённый план, не учитывавший реальных возможностей бассейна. Экстенсивные методы развития Кузнецкого угольного бассейна для осуществления поставленных задач предполагали значительное увеличение численности шахтёрских кадров.

Большую часть шахтёрских коллективов в начале послевоенного восстановления представляли лица, привлечённые в угольную промышленность Кузбасса обстоятельствами военного времени. Угольные комбинаты региона в качестве одного из источников рабочей силы предпочитали спецконтингент, уже работавший на угольных предприятиях региона, в соответствии с ежегодно заключаемыми договорами между комбинатами и органами НКВД и МВД СССР. За прошёлый период он уже обрёл профессиональные навыки и освоил ведущие шахтёрские специальности. К тому же на его содержание по сравнению с вольнонаёмными рабочими, нуждавшимися в нормальном жилье, требовалось значительно меньше затрат.

Для выполнения напряжённых планов угледобычи необходимо было обеспечить угольную промышленность Кузбасса дополнительными кадрами. И опять в качестве дешёвых рабочих рук предпочтение было отдано заключённым Сиблага и иностранным военнопленным. Однако с осени 1945 г. наблюдается резкое сокращение использования труда заключённых вследствие того, что в регион стали поступать другие категории спецконтингента, которые спешно размещались в

зонах шахт, ранее занимаемых Сиблагом, контингент которого сократился еще в годы войны.

Как и прежде использование труда заключённых на угольных предприятиях Кузбасса осуществлялось на основе договоров, заключаемых угольными объединениями и шахтами с лагерными отделениями Силага, которые ежегодно ими перезаключались. Руководители, как угольных предприятий, так и лагерных отделений постоянно нарушали условия этих договоров, отказываясь или задерживая своевременный ремонт и подготовку жилья к зимним условиям, оказание коммунально-бытовых услуг для рабочих-заключённых, задерживая вывод на работу или сокращая численность рабочих, обслуживающих угольные предприятия Кузбасса [17, оп. 5, д. 4, лл. 15, 121, 140, 160, 236, 252].

Учитывая неэффективность труда заключённых, руководство комбината «Кузбассуголь» и треста «Куйбышевуголь» уже в 1946 г., надеясь получить рабочую силу в лице других групп спецконтингента, представили Управлению НКВД по Кемеровской области заявление о расторжении договора на содержание и трудовое использование заключённых Силага, в частности, на шахте «Байдаевская», дающей ценные коксующие угли. Но в силу ряда обстоятельств данное предприятие не получило обещанного накануне другого спецконтингента. Поэтому руководство комбината 8 июня 1945 г. объявило о том, что данное ими заявление утратило силу. Силагу было предложено заменить находящихся в заключении Байдаевского лагеря 155 женщин физически здоровыми мужчинами, годными для подземной работы. В свою очередь комбинат «Кузбассуголь» для поддержания работоспособности заключённых обязался всему работающему в шахте спецконтингенту выдавать дополнительное питание в виде второго горячего

блюда и хлеба [24, оп. 1, д. 205, л. 108].

В августе 1945 г. началось переоборудование лагерного отделения при шахте «Северная» треста «Кемеровоуголь», где содержались заключённые, работавшие на подземной добычи угля. Помимо строительства культурно-бытовых объектов лагеря рабочие получили даже чистое постельное бельё [20, оп. 6, д. 46, л. 234].

В феврале 1946 г. в связи с увеличением угледобычи и наличием свободной жилой площади на шахте «Дальние горы» руководство треста «Кагановичуголь» обратилось в областное ОИТК УНКВД по Кемеровской области с просьбой выделить для постоянной работы на данный объект 400 человек из числа заключённых [22, оп. 2, д. 10, л. 13]. Однако, впоследствии подобные заявки о поставках рабочей силы из числа заключённых без согласия с МВД СССР были запрещены постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1947 г. за № 3453-1133 с/с. Предлагалось впредь рабочую силу из числа заключённых направлять преимущественно в районы Севера и Востока, где получение и использование других категорий рабочих является затруднительным [18, оп. 4, д. 43, л. 298].

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР за № 17887 р./с от 1 декабря 1947 г. для заключённых, выполняющих и перевыполняющих производственные задания, были введены следующие нормы выдачи хлеба и продовольственных товаров: хлеба — 900 граммов в день, мяса и рыбы — 3,9 кг. в месяц, жиров — 0,9 кг. в месяц, крупы и макаронных изделий — 3 кг. в месяц, сахара — 0,51 кг. в месяц. На 10% урезалось продовольственное снабжение заключённым, не выполняющим производственные нормы [22, оп. 2, д. 22, л. 175].

По мере пополнения и включения в состав рабочих

кадров бывшего спецконтингента в феврале-марте 1947 г. происходит сокращение количества лагерных отделений Силага, а, следовательно, и численности заключённых, обслуживающих угольные предприятия Кузбасса. Исключением явился трест «Кузбассшахстрой», которому для Томусинского строительства в этот период выделили 8000 человек из числа заключённых [14, оп. 1, д. 67, л. 156; 20, оп. 5, д. 32, л. 31]. При этом резко уменьшается и доля заключённых, занятых на подземной добычи угля. Так, на 10 апреля 1950 г. на предприятиях комбината «Кемеровоуголь» из 3277 заключенных на подземных работах шахты «Северная» (ИТК № 5) работало 218 человек, а остальные же использовались на строительстве промышленных и жилых объектов комбината. Активно использовался и труд заключённых женщин, в том числе на земляных и каменных работах [18, оп. 5, д. 4, лл. 176, 204, 306-307; оп. 7, д. 9, лл. 101, 103].

Совместно проводимые проверки отмечали неудовлетворительное трудовое использование заключённых на производстве: частые простои, неполный вывод рабочих на объекты, низкое качество отделочных и строительных работ, высокий производственный травматизм. Только за I квартал 1950 г. на шахте «Северная» было допущено 133 случая производственного травматизма, в том числе 6 случаев со смертельным исходом, из-за крайне слабой постановки вопросов техники безопасности при ведении горных работ, отсутствия надлежащего инструктажа по правилам безопасности, а также слабого контроля за их соблюдением [18, оп. 5, д. 4, лл. 33, 100, 121, 129, 140, 148, 162, 174, 176, 191, 236, 308]. Поэтому далеко не случайным явилось распоряжение руководства комбината до 15 июля 1950 г. вывести всех рабочих-заключённых из шахты и перевести на

строительные работы после своевременной замены их кадровым составом [18, оп. 6, д. 4, л. 164].

Совет Министров СССР в ряде своих постановлений потребовал от МУП СССР создания специальных изолированных объектов для использования труда заключённых, в том числе и в Кузбассе. Вследствие частичного выполнения решений постановления Совета Министров СССР за № 3332-1276 от 19 июля 1952 г. в области трудоиспользования и создания надлежащих условий организации труда заключённых, качества выполняемых ими работ распоряжением министра угольной промышленности СССР тов. Засядько А.Ф. в период с 1 по 15 сентября 1952 г. заключённые были сняты со всех угольных предприятий региона. А все помещения лаг-отделений были переданы трестам [18, оп. 7, д. 2, л. 235; д. 5, лл. 99, 139-140, 145].

Таким образом, в послевоенные годы произошло окончательное вытеснение использования нерентабельного принудительного труда заключённых в угольной промышленности Кузбасса за счёт других категорий спецконтингента.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1947 г. и постановлением Совета Министров СССР за № 40-24 с/с от 10 января 1947 г. «О выделении рабочей силы предприятиям угольной промышленности восточных районов СССР» МВД СССР направил для них 70000 человек, досрочно освобождённых из мест заключения. Все они были ранее осуждены за дезертирство с производства и хозяйственное преступления [18, оп. 4, д. 43, л. 24; 22, оп. 2, д. 22, лл. 27, 43]. При этом комбинату «Кузбассуголь» выделялось 16000 человек, комбинату «Кемеровоуголь» — 10000 человек [18, оп. 4, д. 48, л. 34; 22, оп. 2, д. 18, л. 1].

Бывшие заключённые обя-

заны были отработаны на угольных предприятиях Кузбасса до окончания срока наказания. Режим для указанного контингента новых рабочих был установлен свободный наравне с вольнонаёмными рабочими. МВД СССР обязало областные Управления МВД направлять из лагерей в угольную промышленность восточных районов страны только трудоспособных рабочих со сроками не отбытого наказания не более 6 месяцев, но затем этот срок был увеличен. Предполагалось, что 10% их состава будет представлено женщинами [22, оп. 2, д. 22, л. 48]. Предприятия, получавшие указанную рабочую силу, обязаны были обеспечить бытовое обслуживание и трудовое использование этих рабочих наравне со всеми [23, оп. 1, д. 5, л. 20].

Для повышения добычи угля значительная часть поступивших рабочих была направлена на эксплуатационные участки шахт. Так, по комбинату «Кузбассуголь» она составила 12000 человек. Из числа физически здоровых людей на шахтах были полностью укомплектованы группы забойщиков и навалоотбойщиков, произведена замена ими в забойной группе тех рабочих военнопленных, которые давали наименьшую производительность труда. Были созданы специальные курсы технического обучения для вновь поступивших рабочих. Вновь принятые рабочие получали денежный аванс в размере 600 рублей для приобретения одежды и оплаты питания. А в случае болезни и временной потери работоспособности они обеспечивались наравне со всеми [19, оп. 1, д. 28, л. 19; 22, оп. 2, д. 22, л. 6].

На угольных предприятиях Кузбасса в недостаточной мере проводилась работа по заключению договоров с рабочими-указниками, срок отбытия наказания которых заканчивался. Указанием начальника комбината «Кузбассуголь» от 22 августа

1947 г. была прекращена выдача расчёта и освобождения от работы на шахтах, стройках и предприятиях рабочих, из числа досрочно освобождённых из мест заключения [22, оп. 2, д. 22, л. 143]. В условиях крайне недостаточной массово-политической разъяснительной работы среди данной категории рабочих началось массовое дезертирство с производства указников. Требовалась кропотливая индивидуальная работа администрации шахт и предприятий, строек комбинатов с указниками, у которых в ближайшее время истекал срок наказания, по дальнейшему закреплению их за производством на добровольных началах посредством заключения с ними договоров. Поэтому уже 21 октября 1947 г. данное указание руководства комбината отменяется. Основной упор в работе с данной группой рабочих делается на заключение договоров [22, оп. 2, д. 22, л. 157].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1947 г. позволил, пусть на короткий срок, обеспечить угольную промышленность Кузбасса рабочей силой. Отсутствие должной работы администрации угольных предприятий с указанной группой рабочих, субъективный, волевой подход руководства комбинатов к вопросам закрепления их в составе рабочих кадров, а также пренебрежение жилищно-бытовыми условиями не дали должного результата. Стремление обеспечить угольную отрасль региона дополнительными кадрами потерпело неудачу. На производстве закрепилась лишь незначительная часть данных рабочих.

Таким образом, в угольной промышленности Кузбасса использование труда заключенных на разных этапах развития было вызвано разными причинами и имело свою специфику. Полная нерентабельность их труда в послевоенные годы привела к прекращению использования их труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Угольная промышленность Кузбасса (1721-1996 гг.). - Кемерово, 1997.
2. С.А. Папков. Лагерная система и принудительный труд в Сибири и на Дальнем Востоке 1929 – 1941 г. / Возвращение памяти. Историко-архивный альманах. / редактор – составитель канд. ист. наук И.В. Павлова. Новосибирск, 1997.
3. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Кемерово, 1995.
4. Акулов М.Р. Промышленное развитие Сибири годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) – Ставрополь, 1967.
5. Горняки Кузбасса. Новосибирск. 1971.
6. Гвоздкова Л.И. Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50 гг.), т. 1. Кемерово. Кузбассвязиздат. 1993
7. Зелкин И.И. Кузнецкий угольный бассейн в годы Великой Отечественной войны. – М. – Наука, 1969.
8. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 -1944 гг. М., 1945.
9. «Вторая угольная база СССР – Кузбасс». Кн. 1. Ч. 2.- М.; Л.; Грозный, 1935.
10. Угольная промышленность СССР за 50 лет. М., 1968.
11. Кузнецкий угольный бассейн за 50 лет. Стат. справочник. М., 1959.
12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам Т. 3, - М., 1968.
13. Партийный архив Новосибирской области (ПАНО).
14. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р- 415.
15. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р- 337.
16. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р- 177.
17. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р- 18.
18. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р- 456.
19. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р- 432.
20. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р- 210.
21. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р- 442.
22. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р-194.
23. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. Р-444.
24. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), ф. П-75.

Автор статьи:

Бикметов
Рашит Сайтгараевич
- канд. истор.наук, доц.каф. отечест-
венной истории